

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-498-508>

Научная статья / Research article

Лагерная система в Прикаспийском регионе Казахстана в 1932–1940 гг.

Галина Иванова

Институт российской истории Российской академии наук, Москва, Россия

✉ ivanovagal@mail.ru

Аннотация: В изучении истории возникновения и деятельности советских лагерей до настоящего времени имеются серьезные лакуны, включая историю создания и функционирования лагерной системы в Прикаспийском регионе. Данное исследование восполняет пробел, существующий в историографии, и дает ответы на актуальные вопросы о локации отдельных лагерных подразделений, причинах, целях, задачах и условиях создания и функционирования лагерно-производственного комплекса в Казахском секторе Каспия. Основу источниковой базы составляют документы из фонда Главного управления мест заключения МВД СССР Государственного архива Российской Федерации. Показано, что с середины 1932 г. Главное управление исправительно-трудовых лагерей Объединенного государственного политического управления (ГУЛАГ ОГПУ) начало интенсивно развивать рыбную отрасль хозяйства с целью создания собственной базы снабжения. ГУЛАГ получил для использования новый рыбопромысловый район – Прорвинский, расположенный в северо-восточной части Каспийского моря. Для лова и обработки рыбы был создан Прорвинский исправительно-трудовой лагерь, который дислоцировался на острове Прорва в Каспийском море, функционировал с 1932 по 1940 г. и первоначально подчинялся ГУЛАГу ОГПУ. Одним из наиболее крупных подразделений было Гурьевское лагерное отделение с числом заключенных до 2 тыс. человек. Установлено, что создание рыбопромышленного лагерного комплекса на берегах Северного Каспия позволило значительно улучшить снабжение рыбной продукцией всего лагерного населения в СССР. Изучение дислокации рыболовческих лагерей и анализ их производственной деятельности показали, что в целом лагерная система в Прикаспийском регионе Казахстана не получила широкого распространения.

Ключевые слова: ГУЛАГ, Прорвинский ИТЛ, Казахстан, Прикаспийский регион, репрессии, заключенные, рыбные промыслы

Благодарности и финансирование: Статья подготовлена при финансовой поддержке Министерства образования и науки Республики Казахстан в рамках проекта № AP 08856940 «Прорвинский и Астраханский лагеря в системе ГУЛАГа (1932–1950 гг.): история, память, уроки».

Для цитирования: Иванова Г.М. Лагерная система в Прикаспийском регионе Казахстана в 1932–1940 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 4. С. 498–508. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-498-508>

The Prisoner Camp System in the Caspian Region of Kazakhstan in 1932–1940

Galina Ivanova

The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

✉ ivanovagal@mail.ru

Abstract: In the study of the history of Soviet camps, there are still serious gaps; in particular, there are no works that reveal the history of the creation and functioning of the camp system in the Caspian region. This study fills the gap in historiography and provides answers to the topical issues of the location

of some camp units, reasons, goals, objectives and conditions for the creation and operation of the camp complex in the Kazakhstan region of the Caspian Sea. The source base of the study is the documents from the fund of the Main Directorate of Camps and Places of Incarceration of the Ministry of Internal Affairs of the USSR of the State Archive of the Russian Federation. The article shows that from the middle of 1932, in the course of solving the problem of creating their own supply base, the OGPU camps began to intensively develop the fishing industry. The GULAG got a new fishing area – Prorva located in the north-eastern part of the Caspian Sea. For catching and processing fish, there was created the Prorva labor camp which functioned from 1932 to 1940; it was initially subordinated to the GULAG OGPU and stationed in the Kazakh ASSR on the island of Prorva in the Caspian Sea. One of the largest units was the Guryev camp with the population of up to 2 thousand people; it was located in the area of the town of Guryev, Kazakh ASSR. The prisoners were engaged in fishing and provided them-selves with fish, the supply of which to the camps was cut off from 1932. The study reveals that the prisoners settled down in the Caspian fishing region of Kazakhstan in extremely difficult climatic, living and working conditions; they made a significant contribution to the provision of camps and colonies with food, since all products manufactured by the Prorva labor camp were sold in the GULAG system.

Keywords: GULAG, Prorva labor camp, Kazakhstan, Caspian region, repressions, prisoners, fisheries

Acknowledgements and Funding: The article has been prepared with the financial support of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan within the framework of project No. AP 08856940 “Prorva and Astrakhan camps in the GULAG system (1932–1950): history, memory, lessons.”

For citation: Ivanova, Galina. “The prisoner camp system in the Caspian region of Kazakhstan in 1932–1940.” *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 4 (November 2022): 498–508. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-498-508>

Введение

Открытие советских архивов на рубеже 1980–1990-х гг. и начавшийся на государственном уровне процесс рассекречивания архивных фондов позволили отечественным и зарубежным исследователям приступить к изучению истории ГУЛАГа на качественно новом уровне¹. За прошедшие годы в России и за рубежом появились сотни работ и публикаций по истории массовых репрессий и принудительного труда, включая научные издания, посвященные региональным аспектам истории ГУЛАГа². Однако современные оценки российской и зарубежной литературы показывают, что, несмотря на обилие опубликованных работ, в изучении истории ГУЛАГа до сих пор существуют серьезные лакуны, к числу которых, несомненно, относится проблема создания и функционирования лагерной системы в Северном Прикаспии. Метастазы ГУЛАГа распространились на этот регион еще в начале 1930-х гг. в виде Прорвинского ИТЛ (Прорвлага), а затем Астраханского ИТЛ (Астраханлага). Тем не менее историки до сих пор не имеют достоверных сведений о локации отдельных лагерных подразделений, нет объективных ответов на вопросы о причинах, целях, задачах и условиях создания и функционирования лагерно-производственного комплекса в Казахстанском секторе Каспия. Задача данного исследования – восполнить существующие пробелы и дать ответы на актуальные вопросы.

Основу источниковой базы исследования составили хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) документы из фонда Главного управления мест заключения МВД СССР (ф. Р-9414), дополненные большой группой

¹ Bacon, ed. *The Gulag at War: Stalin's Forced Labour System in the Light of the Archives*. New York, 1994; Иванова Г.М. *ГУЛАГ в системе тоталитарного государства*. М., 1997.

² Harri James R. *The Growth of the Gulag: Forced Labor in the Urals Region, 1921–1931* // *The Russian Review*. 1997. Vol. 56. № 2. P. 265–280; Гвоздкова Л.И. *История репрессий и сталинских лагерей в Кузбассе*. Кемерово, 1997; Морозов Н.А. *ГУЛАГ в Коми крае. 1929–1956*. Сыктывкар, 1997; Удовенко И.В. *Лагерная система мест заключения в Московском регионе (1918 г. – конец 1930-х гг.)* // *История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды*. М., 2018. С. 204–211; David-Fox M., ed. *The Soviet Gulag: Evidence, Interpretation, and Comparison*. Pittsburgh, 2016.

опубликованных материалов. В работе также использовались мемуары и свидетельства лиц, причастных к истории ГУЛАГа в Прикаспийском регионе. Краткие сведения о Прорвлагге содержались в воспоминаниях ихтиолога В.С. Танасийчук³, биолога В.Н. Танасийчука⁴, более подробно рассказал о своем многолетнем пребывании в рыболовческих лагерях Каспия капитан дальнего плавания В.П. Корельский⁵. Что же касается научных публикаций, то они немногочисленны и лапидарны. Первые и, пожалуй, единственные достоверные научные справки о Прорвинском и Астраханском лагерях были опубликованы в 1998 г. в справочнике «Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960»⁶. В последние годы к изучению истории прикаспийских лагерей приступили казахские ученые⁷; данная тема неоднократно становилась предметом обсуждения на международных и республиканских конференциях⁸.

Исходным методологическим научным принципом исследования является объективный критический анализ всего корпуса фактического материала, в первую очередь, новых архивных документов. Все материалы исследуются с помощью структурно-функционального и системного анализа, что позволяет рассмотреть Прорвинский лагерь ГУЛАГа как социально-экономическую структуру.

Причины и цели создания Прорвинского лагеря

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. на территории СССР формируется сеть концентрационных лагерей, официально переименованных в 1929 г. по постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) в «исправительно-трудовые лагеря» (ИТЛ)⁹. Лагеря находились в ведении Объединенного государственного политического управления (ОГПУ). В 1930 г. в его составе было создано Главное управление исправительно-трудовых лагерей (ГУЛАГ). 11 июля 1929 г. правительство поручило ОГПУ организовать ряд новых крупных лагерей в отдаленных районах Советского Союза в целях заселения этих районов и освоения их природных богатств¹⁰. Согласно докладной записке заместителя председателя ОГПУ Г.Г. Ягоды И.В. Сталину об итогах хозяйственной деятельности лагерей за 1932 г. и первый квартал 1933 г., на 1 января 1932 г. в лагерях ОГПУ содержалось 266 тыс. заключенных¹¹. В числе таких лагерей значился Прорвинский ИТЛ, главной задачей которого было ведение крупного рыбопромышленного хозяйства. До 1932 г. рыбные промыслы лагерей находились в Белом, Баренцевом (Кольский залив) и Японском морях. Как отмечал Ягода,

³ Танасийчук В.С. Аресты на мурманской биологической станции в 1933 году // Репрессированная наука. СПб., 1994. Вып. 2. С. 306–318.

⁴ Танасийчук В.Н. Дорога в Джурун и обратно // Звезда. 1998. № 11. С. 202–214.

⁵ Корельский В.П. На моем веку: Воспоминания, предания рода, размышления. Архангельск, 1996. С. 144–159.

⁶ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960. Справочник. М., 1998. С. 149–150, 364–365.

⁷ Ахметова У.Т., Жумабаев А.Ж. ГУЛАГ жүйесіндегі Прорва лагері (1932–1950 жж.) // Вестник ЗКГУ. 2020. № 3 (79). С. 138–146. [https://doi.org/10.37238/1680-0761.2020.79\(3\).14](https://doi.org/10.37238/1680-0761.2020.79(3).14)

⁸ Болонина Л.В. Создание Прорвинского исправительно-трудового лагеря в Астраханской области и его производственно-хозяйственная деятельность // Перекрестки истории. Актуальные проблемы исторической науки: материалы XII Международной научно-практической конференции, Астрахань, 29 апреля 2016 года. Астрахань, 2016. С. 76–79; Ахметова У.Т., Мұқтар Ә.Қ. Прорва еңбекпен түзету лагері тарихынан (1932–1950 жж.) // II Туған елкені зерттеу: оның маңызы және басым бағыттары: Республикалық онлайн ғылыми-тәжірибелік конференциясының материалдар жинағы (15 мамыр, 2020 жыл). Атырау-Сарайшық, 2020.

⁹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 163. Д. 791. Л. 22.

¹⁰ ГУЛАГ: главное управление лагерей. 1918–1960. М., 2000. С. 64–65.

¹¹ История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: собрание документов: в 7 т. Т. 3. М., 2004. С. 95.

подавляющее большинство районов, эксплуатируемых лагерями в этих водоемах, являлись наиболее удаленными от центров рыболовства и до занятия их лагерями никем не использовались и не исследовались¹².

Во второй половине 1932 г. лагерь ОГПУ получили для использования новый рыбопромысловый район – Прорвинский, расположенный в северо-восточной части Каспийского моря. Вот как об организации Прорвинского промысла было доложено Сталину:

Данный район, находясь в 700 км от Астрахани, является наиболее отдаленным районом Северного Каспия и характеризуется чрезвычайным мелководьем, отсутствием пресной воды и ранними ледоставами, в силу чего он до сего времени каспийскими рыбопромышленными организациями освоен не был.

Прорвинский район был закреплен за лагерями в июле 1932 г., когда и было приступлено к его организации. К закрытию навигации 1932 г., т. е. в течение 4-х месяцев, промысел был в необходимой мере застроен и снабжен всем потребным для подготовки к весенней путине.

В течение зимы были возведены производственные строения и прорыт канал длиной около 3 км, облегчающий доступ к промыслу с моря¹³.

План вылова на 1933 г. был установлен для Прорвинского промысла в размере 170 тыс. центнеров, что составило 42 % от планового задания крупного рыбопромышленного Волго-Каспийского треста.

Официальный приказ об организации Прорвинского ИТЛ был издан 5 сентября 1932 г. Первоначально лагерь подчинялся ГУЛАГу ОГПУ и дислоцировался в Казахской АССР (так с июня 1925 г. по февраль 1936 г. именовалась казахская национальная автономия на территории современного Казахстана), на острове Прорва в Каспийском море¹⁴.

Появление в системе ГУЛАГа нового рыболовецкого лагеря не было случайностью. Причинами столь пристального внимания ОГПУ к развитию рыбных промыслов силами заключенных явились два обстоятельства, важнейшим из которых был массовый голод, охвативший страну в начале 1930-х гг. Осуществляя директивы советского руководства о создании собственной базы снабжения, лагеря ОГПУ с середины 1932 г. наряду с выполнением крупных государственных заданий начали интенсивно развивать сельскохозяйственную и рыбопромысловую отрасли хозяйства. Однако предпринимаемых руководством ОГПУ мер по снабжению лагерей питанием оказалось явно недостаточно. Если в 1932 г. смертность в ГУЛАГе составила 4,8 % от среднесписочного состава заключенных, то в 1933 г. она подскочила до 15,2 % и только в 1934 г. опустилась до 4,28 %. В Прорвинском ИТЛ дела обстояли ненамного лучше. В 1933 г. смертность здесь была зафиксирована на уровне 10,1 % (среднегодовое число заключенных составляло 7 524 чел.), а в 1934 г. смертность сократилась до 5,19 %, то есть при среднесписочном составе лагерного населения в количестве 9 283 заключенных за год в лагере умерло 482 чел.¹⁵

Анализируя итоги хозяйственной деятельности ОГПУ за истекший год, зампред ОГПУ Г.Г. Ягода в письме от 31 декабря 1933 г. на имя И.В. Сталина и Председателя СНК В.М. Молотова отмечал:

Развернутые в 1932/33 году рыбные промысла уже в этом году дали продукцию, полностью обеспечивающую потребность контингента. При этом добываемые высокоценные сорта рыбы сдаются лагерями государству в обмен на дешевые, идущие для котлового покрытия¹⁶.

¹² История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: собрание документов: в 7 т. Т. 3. М., 2004. С. 105.

¹³ Там же. С. 104–105.

¹⁴ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960. Справочник. М., 1998. С. 364.

¹⁵ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 2740. Л. 9, 10.

¹⁶ Кокурин А.И., Петров Н.В. ГУЛАГ: структура и кадры // Свободная мысль. 1999. № 8. С. 126.

Репрессии в рыбной промышленности

В начале 1930-х гг. интерес ОГПУ к рыбным промыслам объяснялся не только стремлением улучшить снабжение лагерей рыбной продукцией. Было и еще одно обстоятельство, благодаря которому ОГПУ смогло наладить рыбный промысел в ГУЛАГе в промышленных масштабах. Речь идет о массовых политических репрессиях в рыбном хозяйстве. 22 сентября 1930 г. советские газеты сообщили о раскрытии «контрреволюционной организации вредителей рабочего снабжения», а уже 25 сентября появилась информация о расстреле и заключении в концлагеря 48 специалистов, при этом никаких сведений о судебном процессе опубликовано не было. На «вредителей» возложили вину за дефицит мясной и рыбной продукции, возникший на самом деле не по вине мифических «вредителей», а в результате принудительной коллективизации и кооперации¹⁷. В ходе репрессий в рыбной промышленности десятки специалистов были приговорены к различным срокам лишения свободы и направлены в ГУЛАГ. Так, в Прорвинском лагере с первых дней его создания отбывал наказание А.А. Клыков, приговоренный к 10 годам ИТЛ. Это был видный ихтиолог и товаровед, автор популярной книги-учебника «Рыба и рыбные товары», крупный специалист по рыболовству в Каспийском море¹⁸.

Для рационального использования приговоренных к лишению свободы ученых и специалистов требовался их строгий учет и контроль. 25 октября 1933 г. ОГПУ издало циркуляр следующего содержания:

В целях планомерного распределения и лучшего использования вновь осуждаемых специалистов ПП [Полномочные представительства] ОГПУ должны сообщать в ГУЛАГ ОГПУ о всех высококвалифицированных специалистах как осужденных Тройками ПП к лишению свободы, так и осужденных органами НКЮ, находящихся на территории данного ПП ОГПУ <...> Сведения высылаются на всех инженеров, техников, профессоров, научных работников, врачей, агрономов, плановиков-экономистов и крупных адмхозработников (директоров, членов правлений объединений и трестов). По получении от ПП ОГПУ сведений, ГУЛАГ ОГПУ будет выдавать индивидуальные наряды на отправление осужденных специалистов в лагерь¹⁹.

Вскоре на основании данного циркуляра в Прорвинский ИТЛ была направлена группа специалистов рыбного хозяйства. Это были гидробиологи, ихтиологи и другие знатоки ихтиофауны различных морей, работавшие на Мурманской биологической станции Государственного океанографического института СССР. Здесь в 1933 г. прошли массовые аресты сотрудников, многие из которых были обвинены во вредительстве и осуждены по ст. 58 п. 7 УК РСФСР к заключению в ИТЛ на срок от 3 до 5 лет.

В этот период в разных лагерных отделениях Прорвинского ИТЛ оказались в заключении многие исследователи моря и его обитателей: капитан научного экспедиционного судна «Персей» И.Н. Замяткин; гидрограф А.В. Соколов, гидробиолог М.С. Идельсон; капитан научно-исследовательского судна «Николай Книпович» Т.И. Антуфьев и др. Северный Прикаспий на долгие годы стал местом заключения и ссылки Н.П. Танасийчука, ведущего ихтиолога, заместителя начальника Мурманской биостанции, которого в 1933 г. арестовывали дважды. Сначала – за вредительскую деятельность, направленную «к срыву мероприятий Советской власти по выполнению рыбопромысловой программы», затем – за вхождение в «контрреволюционную вредительскую группу научных сотрудников». 23 декабря тройка Полно-

¹⁷ Дело 48 вредителей рабочего снабжения (1930). Электронный ресурс «Открытый список». URL: [https://ru.openlist.wiki/Категория:Дело_48_вредителей_рабочего_снабжения_\(1930\)](https://ru.openlist.wiki/Категория:Дело_48_вредителей_рабочего_снабжения_(1930)) (дата обращения: 14.05.2021).

¹⁸ Чернавин В.В. Записки «вредителя». Побег из ГУЛАГа. СПб., 1999. С. 91.

¹⁹ Иванова Г.М. История ГУЛАГа: 1918–1958. М., 2015. С. 170.

мочного представительства ОГПУ приговорила его по ст. 58 п. 7 УК РСФСР к трем годам заключения в концлагерь и к последующей ссылке, направив для отбытия наказания в Астраханское лаготделение Прорвинского ИТЛ²⁰.

Лагерные порядки в этот период отличались определенным своеобразием, некоторыми свободами, особенно в части отношения к заключенным специалистам. В начале 1930-х гг. от осужденных, как и от их родственников, еще не скрывали место отбытия наказания. Это позволяло женам переезжать поближе к месту заключения их мужей, искать там работу, что, конечно, значительно облегчало участь невинно осужденных. Так, жена Н.П. Танасийчука, В.С. Танасийчук, как только узнала, что мужа направляют в Астрахань, сумела быстро получить место гидробиолога на Волго-Каспийской научной рыбохозяйственной станции и обосноваться в Астрахани, где она имела возможность регулярно навещать осужденного мужа. Вот как она описывала то место, куда Н.П. Танасийчука направили отбывать наказание:

Лагерь располагался километрах в 3–4 от Астрахани. Я доезжала на трамвае до кладбища и дальше шла пешком степью. Лагерь был огорожен колючей проволокой с наблюдательными башенками. У ворот стояли часовые. Через лагерь протекала речка, соединенная с Волгой (может быть, рукав дельты), и туда приходили гулаговские промысловые суда (с черными парусами в отличие от обычных рыбачьих судов, у которых паруса были светлые) и суда-приемки. Был приемный плот; Н.П. [Николай Парфентьевич] был плотовым, т.е. приемщиком рыбы. Политические и уголовники были перемешаны, хотя наши все жили в одном маленьком домике. Вообще в те годы жизнь в концлагере была не очень трудной. Легко давали свидания. Я приходила после работы ежедневно, приносила передачу. В лагере кормили по тем временам сносно, на воле питались не лучше. Но у нас был рынок, где было все: мясо, яйца, молоко, овощи, рыба. Я подходила к воротам и просила часового вызвать «такого-то». Он кричал кому-нибудь из лагерников, и Н.П. [Николай Парфентьевич] приходил и даже выходил за ворота. Можно было разговаривать, сколько хотелось (хоть час, хоть полтора), и никто нас не слушал (конечно, вечером, после работы)²¹.

Хотя В.С. Танасийчук не дает точного названия лагеря, скорее всего, она его и не знала, но по ее словесному описанию «астраханского концлагеря» можно предположить, что речь идет о лагерном подразделении – Болдинской командировке, расположенной на реке Болде, Астраханского отдельного лагерного пункта (ОЛП) Прорвинского ИТЛ. Через эту командировку проходила реализация всей рыбной продукции лагеря. Нет ясности в рассказе Танасийчук о том, что гулаговские промысловые суда ходили под черными парусами. Эта информация активно используется в краеведческой публицистике, однако документальных подтверждений пока не находит.

Структура и повседневная жизнь обитателей Прорвинского ИТЛ

Ведомственная подчиненность Прорвинского ИТЛ, дислокация его Управления, как и структура лагеря неоднократно менялись. В разные годы Прорвлаг подчинялся ГУЛАГу ОГПУ, краевым органам ОГПУ и НКВД по Нижне-Волжскому и Сталинградскому краям, с 1936 г. находился в непосредственном подчинении ГУЛАГу НКВД СССР. Управление лагеря в разные периоды дислоцировалось на острове Прорва в Каспийском море, в Астрахани и в Гурьеве²². Структура Прорвинского ИТЛ также не оставалась неизменной. Лагерь неоднократно реорганизовывался и включал в себя в качестве подразделений лаготделения, лагпункты, командировки.

²⁰ Танасийчук В.С. Аресты на мурманской биологической станции в 1933 году // Репрессированная наука. СПб., 1994. Вып. 2. С. 8–9.

²¹ Там же. С. 8.

²² Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960. Справочник. М., 1998. С. 364–365.

Кроме Болдинской командировки Астраханского ОЛП, в структуре Прорвлага находилась Бурунчукская командировка, расположенная на мысе Бурунчук полуострова Бузачи Северного Каспия. Она была прикреплена к Гурьевскому лаготделению и в основном занималась ловом рыбы ставными неводами²³. Это было наиболее отдаленное от лагерного управления подразделение Прорвинского ИТЛ. Сообщение с Бурунчукской командировкой производилось только водным путем, расстояние от Астрахани, по принятому курсу следования судов, составляло около 780 км²⁴.

В 1934 г. Прорвинский ИТЛ выловил 171 200 центнеров рыбы при плане в 160 тыс. центнеров, что составило 107 % плана. Это позволило наркомунвнутренних дел СССР Г.Г. Ягоде доложить в январе 1935 г. И.В. Сталину:

Результаты лова 1934 года дают основание считать Прорвинский район освоенным для дальнейшего развития в нем рыболовства²⁵.

На 1935 г. программа лова Прорвинскому лагерю была увеличена до 210 тыс. центнеров.

Специфика рыболовецкой деятельности лагеря была такова, что многих заключенных расконвоировали, то есть позволяли передвигаться за пределами лагеря без конвоя, особенно это касалось специалистов. Однако при любом ужесточении лагерного режима (например, после убийства С.М. Кирова) их снова заключали под стражу. Но чтобы ловить рыбу, надо было ее найти, а для этого нужны были расконвоированные специалисты. Так, ихтиолог Н.П. Танасийчук был расконвоирован и назначен помощником начальника промысловой разведки Прорвинского ИТЛ. По воспоминаниям его сына, В.Н. Танасийчука,

на маленьком суденышке лагерной промысловой разведки он [отец] плавал по Северному Каспию и мог даже иногда заплывать в Астрахань для консультаций с настоящей, не лагерной, Промразведкой²⁶.

Кстати, начальником разведывательного судна был заключенный-ихтиолог А.А. Клыков.

Согласно официальным данным плановой группы ГУЛАГа НКВД среднесписочный состав населения Прорвинского ИТЛ насчитывал в ноябре 1934 г. 10 500 чел., в январе 1935 г. – 10 800 чел. Трудовое использование заключенных колебалось в зависимости от времени года и характеризовалось следующими показателями. В ноябре 1934 г. удельный вес группы «А» (рабочая сила на производстве) составлял 74,8 % от общей численности лагнаселения, в январе 1935 г. – 78,5 %; удельный вес группы «Б» (хозлагодслуга) – 11,5 и 11,2% соответственно; группы «В» (неработающие) – 13,7 и 10,3 %. Больные и слабосильные составляли в общем числе заключенных 9,9 и 8,1 % соответственно²⁷.

Одним из массовых заболеваний в лагерях ГУЛАГа в середине 1930-х гг. была малярия. Как докладывал 28 декабря 1936 г. начальник Санитарного отдела ГУЛАГа НКВД военврач I ранга И.Г. Гинзбург руководству Главного управления лагерей,

²³ ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 853. Л. 22.

²⁴ Там же. Д. 28. Л. 79.

²⁵ История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: собрание документов: в 7 т. М., 2004. Т. 3. С. 124.

²⁶ Танасийчук В.Н. Дорога в Джурун и обратно // Звезда. 1998. № 11. С. 204.

²⁷ ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 2922. Л. 3, 5–8; Там же. Д. 2924. Л. 3, 5–8.

в связи со специфическими условиями быта и производственных работ лагерей (недостаточно приспособленные и временного характера жилища, работа в открытых и часто заболоченных и малярийных местностях), малярия представляла для исправительно-трудовых лагерей значительное бедствие²⁸.

В 1934 г. малярия дала в шести лагерях (Карагандинском, Среднеазиатском, Прорвинском, Дмитровском, Байкало-Амурском, Сибирском), наиболее неблагоприятных в этом отношении, опасную статистику: на 1000 человек лагерного населения – 141 заболевание, а в 1935 г. – 187. Особенно напряженным было положение в Прорвинском ИТЛ, где в 1935 г. на 1 тыс. чел. приходилось 330 заболеваний. Благодаря проведению ряда противомаларийных мероприятий лечебного и профилактического характера заболеваемость малярией постепенно начала снижаться. Определенные успехи в этом деле отмечались в Прорвлага, здесь в 1936 г. заболеваемость снизилась до 245 случаев на 1 тыс. заключенных, соответственно, уменьшились потери рабочих дней. За достигнутые успехи в борьбе с малярией начальник ГУЛАГа М.Д. Берман распорядился выдать начальнику Прорвинского ИТЛ 3 тыс. руб.

для премирования хорошо работавших по малярии медработников из числа вольнонаемных и заключенных²⁹.

В лечебных учреждениях лагерей ОГПУ в числе высшего и среднего медицинского и аптечного персонала работали наряду с вольнонаемными специалистами также и заключенные. Так, в 1933 г. в Прорвинском ИТЛ при годовом среднесписочном составе заключенных в 7 500 чел. работали три врача, из них – два заключенных и один вольнонаемный; пять квалифицированных лекпомов (помощников лекаря, врача; фельдшер. – Г.И.), в их числе два заключенных и три вольнонаемных; пять малоквалифицированных лекпомов – все заключенные; 18 медсестер, из них – 13 заключенных и 5 вольнонаемных; три аптечных работника, из них – два заключенных и один вольнонаемный, а также один зубной врач из числа заключенных. Сравнение с общелагерной статистикой показывает, что Прорвинский ИТЛ был обеспечен медицинскими кадрами значительно хуже, чем лагеря ОГПУ в целом. Так, в этот же период в лагерях ГУЛАГа при средней численности заключенных 443 тыс. чел. работали 310 врачей, 329 квалифицированных и 439 малоквалифицированных лекпомов, 1 254 медсестры, 171 аптечный работник и 62 зубных врача, то есть на одного медицинского работника приходилось значительно меньше заключенных, чем в Прорвлага³⁰. Недостаток медперсонала в Прорвинском ИТЛ объяснялся чрезвычайно тяжелыми условиями проживания, удаленностью лагерных подразделений от гражданских поселений с развитой инфраструктурой, а также отсутствием медицинских кадров среди местного казахского населения.

Рыбное хозяйство Прорвлага

Производственная деятельность Прорвлага в течение всех лет его существования была связана с рыбной промышленностью. К концу 1930-х гг. ловом рыбы и выпуском готовой рыбной продукции в системе ГУЛАГа занимались Владивостокский лагерь, организованный в 1939 г. на базе закрытого Дальневосточного ИТЛ, и Прорвинский лагерь, на долю которых приходилось почти 60 % всего рыбного улова по ГУЛАГу³¹. На ловле рыбы специализировались также несколько исправительно-трудовых колоний, находившихся в различных регионах страны. Вла-

²⁸ ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 11. Л. 7.

²⁹ Там же. Л. 1, 2а, 3, 8, 9.

³⁰ Там же. Д. 4. Л. 60.

³¹ Там же. Д. 16. Л. 144.

дивостокский ИТЛ всю выловленную рыбу подвергал переработке, помещал в тару и направлял морским путем во Владивосток, откуда рыбная продукция отгружалась по нарядам Главного управления сбыта (Главрыбсбыта) Наркомата рыбной промышленности СССР в Москву, Ленинград, Киев, Харьков и другие города³². Что же касается Прорвинского ИТЛ, то выпускаемая им продукция в основном реализовывалась в системе ГУЛАГа НКВД.

Рыбное хозяйство Прорвлага имело промысловый флот в количестве до 1 115 единиц, в том числе 101 моторное судно и 4 парохода, а также вспомогательные и обслуживающие суда. Весь рыбопромысловый флот и орудия лова были распределены и закреплены за отдельными лагерными подразделениями Прорвинского ИТЛ. В их числе одним из наиболее крупных было Гурьевское отделение с населением до 2 тыс. чел., расположенное на правом берегу р. Урал ниже г. Гурьева на 7 км. Для обработки добываемой рыбы это лагерное отделение имело один береговой и два плавучих рыбозавода³³.

Перспективным подразделением из-за близости к морю считалось Мумринское отделение с населением до 2 200 чел., организованное в составе лагеря в 1939 г. из командировки. Оно располагалось в 90 км по воде от Астрахани в Икрянинском районе Сталинградской области. Отделению передали рыболовецкие и обслуживающие суда, два плавучих рыбозавода, а также необходимое для лова и обработки рыбы оборудование. Здесь были построены бараки для заключенных, контора для вольнонаемных служащих, механическая мастерская, планировалось строительство стационарного рыбозавода.

В 12 км от Астрахани на берегу реки Прямая Болда располагался Астраханский ОЛП с лагнаселением до 1 100 чел. Основным видом работ этого лагерного пункта была обработка рыбы на береговом рыбозаводе (посол и копчение). Хранением готовой продукции в специальном холодильнике-леднике занималась Болдинская командировка, входившая в состав Астраханского ОЛП.

В целях обеспечения планомерной деятельности основного производства (добыча и обработка рыбы) лагерь имел целый ряд подсобных производств. Во всех отделениях работали механические мастерские, предназначенные для ремонта двигателей моторного флота; мастерские по изготовлению и ремонту орудий лова. Вся подготовка рыболовного оснащения осуществлялась собственными силами лагеря, работы производились ручным способом. Государственная промышленность поставляла лагерю только материалы для производства орудий лова. Бондарные мастерские изготавливали и ремонтировали тару для фасовки рыбной продукции, практически все работы осуществлялись вручную, частично механизированной была только Гурьевская мастерская. Кроме различных мастерских лагерь имел небольшие подсобные хозяйства, где производили сельскохозяйственную и животноводческую продукцию для собственных нужд.

Прорвинский ИТЛ располагался в безлесной полосе, и вся производственная, строительная и ремонтная деятельность лагерных подразделений зависела исключительно от завозного леса. В качестве строительных материалов широко применялся саман, камышитовые щитки, которые вырабатывались на месте. Основным средством связи и передвижения между лагерными подразделениями служил водный транспорт.

Значительная часть Прорвинского лагеря находилась в зоне резко континентального климата. В течение года наблюдались сильные перепады температуры – в зимнее время температура опускалась до минус 30 градусов и ниже, а летом по-

³² ГУЛАГ: главное управление лагерей. 1918–1960. М., 2000. С. 759–760.

³³ ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 853. Л. 22.

вышалась до 40 и более градусов, то есть разница зимних и летних температур достигала 70 и более градусов. Осадков и в зимнее, и летнее время выпадало очень мало, а вот ветры, порой достигавшие силы 10–12 баллов, не стихали круглый год. Как отмечалось в краткой характеристике политико-экономического состояния лагеря,

наличие ветров затрудняет промысел рыбы, иногда на протяжении целого месяца бывает 2–3 дня тихой погоды, а в остальные дни сила ветра достигает от 3-х до 5 баллов³⁴.

Управление лагеря в конце 1930-х – начале 1940-х гг. находилось в Астрахани, удаленной от Москвы на 1526 км. Связь с Москвой осуществлялась по железной дороге и аэрофлотом. Кроме заключенных в лагере работали и вольнонаемные кадры, среди которых были и те, которые отбыли наказание и остались на рыбном промысле в качестве вольнонаемных. К началу 1940-х гг. в лагере работали по вольному найму 938 чел., включая военизированных охранников. Среди них насчитывалось 148 членов ВКП (б) и 245 членов ВЛКСМ. Инженерно-технические должности занимали 75 чел. Руководство ГУЛАГа проявляло определенную заботу о вольнонаемном составе лагерей. Так, для служащих лагерного управления в Астрахани был построен жилой дом на 17 квартир; организована работа распределителя для ограниченного круга лиц, регулярно снабжавшего сотрудников продуктами первой необходимости. В лагерных подразделениях, хотя и не во всех, строилось жилье для служащих, имелись культурные учреждения – клубы, читальни, доставлялась периодическая печать³⁵.

Некоторые специалисты из числа бывших заключенных, направленные после отбытия наказания на спецпоселение, пытались осесть и найти работу в Гурьеве. В.Н. Танасийчук, ссыльным родителям которого удалось добиться разрешения на проживание в пределах Гурьевской области, оставил следующие воспоминания:

Гурьев – небольшой город, где вдоль берегов Урала стояли бесчисленные ветряки, качающие воду на огороды, а с неба сыпалась сажа, ибо топили здесь мазутом. Гурьев был добрым для нас. Мы получили комнату в доме Рыбхозстанции, где родители были единственными сотрудниками, а я – лаборантом <...> Отца мы почти не видели – он пропал на промыслах по всему Северному Каспию³⁶.

Выводы

Весной 1940 г. началась реорганизация Прорвлага: 17 апреля он был закрыт, а точнее, переименован в Астраханский ИТЛ, управление которого в этот период дислоцировалось в г. Астрахани Сталинградской области. Производственный профиль лагеря не менялся в течение всех лет его существования. В тяжелейших климатических, бытовых и санитарных условиях заключенные осваивали труднодоступный рыбопромысловый район, занимающий северную часть Каспия, включая низовья рек Урала и Волги с ее дельтой, вылавливали и обрабатывали рыбу с целью обеспечения всего лагерного населения страны рыбной продукцией, поскольку лагеря ГУЛАГа начиная с 1932 г. от государства этой продукции не получали. Всю рыбу высокоценных пород, которую добывали заключенные, Прорвинский ИТЛ сдавал государственным организациям в обмен на дешевые сорта. Деятельность лагеря способствовала развитию рыбодобывающей и рыбообрабатывающей промышленности Каспия, однако слабо развитая инфраструктура Прорвлага не оказала заметного влияния на развитие населенных пунктов в Прикаспийском регионе. Сам лагерь не сохранился в памяти местных жителей. В краеведческой литературе его нередко

³⁴ ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 853. Л. 24.

³⁵ Там же. Л. 23.

³⁶ Танасийчук В.Н. Дорога в Джурун и обратно // Звезда. 1998. № 11. С. 213.

называют забытым островом архипелага ГУЛАГ, что совсем неудивительно, поскольку местность, где возник и функционировал Прорвинский ИТЛ, была не только безводной, но и безлюдной.

Поступила в редакцию / Submitted: 30.06.2021

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 25.10.2021

Принята к публикации / Accepted for publication: 03.08.2022

References

- Akhmetova, U.T., Mukhtar, A.K. “From the history of the labor correctional camp Prorva (1932–1950).” *II Study of the native land: its importance and priorities: Proceedings of the Republican online scientific-practical conference (May 15, 2020)*. Atyrau-Saraishyk: [N.s.], 2020 (in Kazakh).
- Akhmetova, U.T., Zhumabaev, A.Zh. “Prorva camp in the Gulag system (1932–1950).” *Bulletin of WKSU*, no. 3 (2020): 138–146 (in Kazakh). [https://doi.org/10.37238/1680-0761.2020.79\(3\).14](https://doi.org/10.37238/1680-0761.2020.79(3).14)
- Bacon, Ed. *The Gulag at War: Stalin's Forced Labour System in the Light of the Archives*. New York: New York University Press, 1994.
- Bolonina, L.V. “Creation of the Prorvinsky forced labor camp in the Astrakhan region and its production and economic activities.” In *Crossroads of history. Actual problems of historical science: Proceedings of the XII International Scientific and Practical Conference, Astrakhan, April 29, 2016*, 76–79. Astrakhan: Individual entrepreneur Sorokin Roman Vasilievich, 2016 (in Russian).
- Chernavin, V.V. *Notes of the “wrecker”. Escape from the Gulag*. St. Petersburg: Canon Publ., 1999 (in Russian).
- David-Fox, M., ed. *The Soviet Gulag: Evidence, Interpretation, and Comparison*. University of Pittsburgh Press, 2016.
- Gvozdkova, L.I. *History of repressions and Stalin's camps in Kuzbass*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat Publ., 1997 (in Russian).
- Ivanova, G.M. *GULAG in the system of a totalitarian state*. Moscow: MONF Publ., 1997 (in Russian).
- Ivanova, G.M. *The history of the GULAG: 1918–1958*. Moscow: Politicheskaya Entsiklopedia Publ., 2015 (in Russian).
- James, R. Harris. “The Growth of the Gulag: Forced Labor in the Urals Region, 1921–1931.” *The Russian Review* 56, no. 2 (1997): 265–280.
- Kokurin, A.I., Petrov, N.V. “GULAG: structure and personnel.” *Free thought*, no. 8 (1999): 109–126 (in Russian).
- Korelskiy, V.P. *In my time: Memories, traditions of the family, reflections*. Arkhangelsk: Pravda Severa Publ., 1996 (in Russian).
- Morozov, N.A. *GULAG in the Komi region. 1929–1956*. Syktyvkar: Komi book Publishing House, 1997 (in Russian).
- Tanasiychuk, V.N. “The road to Dzhurun and back.” *Star*, no. 11 (1998): 202–214 (in Russian).
- Tanasiychuk, V.S. “Arrests at the Murmansk biological station in 1933.” *Repressed Science*. Issue 2, 306–318. St. Petersburg: Nauka Publ., 1994 (in Russian).
- Udovenko, I.V. “The camp system of places of detention in the Moscow region (1918 – the end of the 1930s).” In *History of Russia from ancient times to the 21st century: problems, discussions, new views*, 204–211. Moscow: Institute of Russian History RAS, 2018 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Иванова Галина Михайловна, д-р истор. наук, главный научный сотрудник Центра социальной истории России, Институт российской истории РАН; 117292, Россия, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19; iriran@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3784-5619>

Galina M. Ivanova, Dr. Habil. Hist., Chief Research Fellow, Center for Social History of Russia, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; 19, Dmitriya Ulyanova Str., Moscow, 117292, Russia; iriran@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3784-5619>